

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ИННОКЕНТИЙ ФЁДОРОВИЧ
АННЕНСКИЙ

КИПАРИСОВЫЙ ЛАРЕЦ
1910

В настоящем издании приведен состав сборника „Кипарисовый ларец“
по изданию Иннокентия Анненского в Большой серии Библиотеки поэта.
Л., 1990 № 54-160

ПЕРЕЧЕНЬ СТИХОВ

ТРИЛИСТНИКИ

Трилистник сумеречный	
СИРЕНЕВАЯ МГЛА	6
ТОСКА МИМОЛЕТНОСТИ	6
СВЕЧКУ ВНЕСЛИ	7
Трилистник соблазна	
МАКИ	7
МАКИ В ПОЛДЕНЬ <вариант>	7
СМЫЧОК И СТРУНЫ	8
В МАРТЕ	9
Трилистник сентиментальный	
ОДУВАНЧИКИ	9
СТАРАЯ ШАРМАНКА	10
ВЕРБНАЯ НЕДЕЛЯ	11
Трилистник осенний	
ТЫ ОПЯТЬ СО МНОЙ	11
АВГУСТ	12
ТО БЫЛО НА ВАЛЛЕН-КОСКИ	12
Трилистник лунный	
ЗИМНЕЕ НЕБО	13
ЛУННАЯ НОЧЬ В ИСХОДЕ ЗИМЫ	14
TRÄUMEREI	14
Трилистник обреченности	
БУДИЛЬНИК	15
СТАЛЬНАЯ ЦИКАДА	16
ЧЕРНЫЙ СИЛУЭТ. сонет	17
Трилистник огненный	
АМЕТИСТЫ	17
СИЗЫЙ ЗАКАТ	18
ЯНВАРСКАЯ СКАЗКА	18
Трилистник кошмарный	
КОШМАРЫ	19
КИЕВСКИЕ ПЕЩЕРЫ	20
ТО И ЭТО	20
Трилистник проклятия	
ЯМБЫ	21
КУЛАЧИШКА	21
О НЕТ, НЕ СТАН	21
Трилистник победный	
В ВОЛШЕБНУЮ ПРИЗМУ	22
ТРОЕ	22
ПРОБУЖДЕНИЕ	23
Трилистник траурный	
ПЕРЕД ПАНИХИДОЙ. сонет	23

<БАЛЛАДА>	24
СВЕТЛЫЙ НИМБ. сонет	25
Трилистник тоски	
ТОСКА ОТШУМЕВШЕЙ ГРОЗЫ	25
ТОСКА ПРИПОМИНАНИЯ	26
ТОСКА БЕЛОГО КАМНЯ	26
Трилистник дождевой	
ДОЖДИК	27
ОКТЯБРЬСКИЙ МИФ	28
РОМАНС БЕЗ МУЗЫКИ	28
Трилистник призрачный	
NOX VITAE	29
КВАДРАТНЫЕ ОКОШКИ	29
МУЧИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ	30
Трилистник ледяной	
ЛЕДЯНАЯ ТЮРЬМА	31
СНЕГ	31
ДОЧЬ ИАИРА	32
Трилистник вагонный	
ТОСКА ВОКЗАЛА	33
В ВАГОНЕ	34
ЗИМНИЙ ПОЕЗД	34
Трилистник бумажный	
СПУТНИЦЕ	35
НЕЖИВАЯ	36
ОФОРТ	37
Трилистник в парке	
<Я НА ДНЕ>	37
БРОНЗОВЫЙ ПОЭТ	38
”РАСЕ”	38
Трилистник из старой тетради	
ТОСКА МАЯТНИКА	39
КАРТИНКА	40
СТАРАЯ УСАДЬБА	41
Трилистник толпы	
ПРЕЛЮДИЯ	42
ПОСЛЕ КОНЦЕРТА	42
БУДДИЙСКАЯ МЕССА В ПАРИЖЕ	43
Трилистник балаганный	
СЕРЕБРЯНЫЙ ПОЛДЕНЬ	44
ШАРИКИ ДЕТСКИЕ	44
УМИРАНИЕ	45
Трилистник весенний	
ЧЕРНАЯ ВЕСНА. тает	46
ПРИЗРАКИ	47
ОБЛАКА	47
Трилистник шуточный	
ПЕРЕБОЙ РИТМА. сонет	48
ПЭОН ВТОРОЙ —	
ПЭОН ЧЕТВЕРТЫЙ. сонет	48

ЧЕЛОВЕК. сонет	49
Трилистник замиранья	
Я ЛЮБЛЮ	49
ЗАКАТНЫЙ ЗВОН В ПОЛЕ	50
ОСЕНЬ	50
Трилистник одиночества	
ЛИШЬ ТОМУ, ЧЕЙ ПОКОЙ ТАИМ	51
АРОМАТ ЛИЛЕИ МНЕ ТЯЖЕЛ.....	51
ДАЛЬНИЕ РУКИ	51

СКЛАДНИ

Добродетель	
РАБОЧАЯ КОРЗИНКА	52
СТРУЯ РЕЗЕДЫ	
В ТЕМНОМ ВАГОНЕ	53
Контрафакции	
ВЕСНА	54
ОСЕНЬ	54
Складень романтический	
НЕБО ЗВЕЗДАМИ В ТУМАНЕ... ..	55
МИЛАЯ	55
ДВА ПАРУСА ЛОДКИ ОДНОЙ	56
ДВЕ ЛЮБВИ	56
ДРУГОМУ	57
ОН И Я.....	58

РАЗМЕТАННЫЕ ЛИСТЫ

НЕВОЗМОЖНО	58
СЕСТРЕ	59
ЗАБВЕНИЕ	60
СТАНСЫ НОЧИ.....	60
МЕСЯЦ.....	61
ТОСКА МЕДЛЕННЫХ КАПЕЛЬ	61
ТРИНАДЦАТЬ СТРОК.....	61
ОРЕАНДА	62
ДРЕМОТНОСТЬ. сонет	62
НЕРВЫ (пластинка для граммофона)	63
ВЕСЕННИЙ РОМАНС	64
ОСЕННИЙ РОМАНС	64
СРЕДИ МИРОВ	65
МИРАЖИ	65
ГАРМОНИЯ	65
ВТОРОЙ МУЧИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ	66
БАБОЧКА ГАЗА.....	66
ПРЕРЫВИСТЫЕ СТРОКИ	67
CANZONE	68
ДЫМЫ	69
ДЕТИ	69
<МОЯ ТОСКА>	70

ТРИЛИСТНИКИ

Трилистник сумеречный

СИРЕНЕВАЯ МГЛА

Наша улица снегами залегла
По снегам бежит сиреневая мгла.

Мимоходом только глянула в окно,
И я понял, что люблю ее давно.

Я молил ее, сиреневую мглу:
"Погости-побудь со мной в моем углу,

Не мою тоску ты давнюю развей,
Поделись со мной, желанная, своей!"

Но лишь издали услышал я ответ:
"Если любишь, так и сам отыщешь след,

Где над омутом синее тонкий лед
Там часочек погощу я, кончив лёт

А у печки-то никто нас не видал...
Только те мои, кто волен да удал.

ТОСКА МИМОЛЕТНОСТИ

Бесследно канул день. Желтея, на балкон
Глядит туманный диск луны, еще бестенной,
И в безнадежности распахнутых окон,
Уже незрячие, тоскливо-белы стены.

Сейчас наступит ночь. Так черны облака...
Мне жаль последнего вечернего мгновенья:
Там все, что прожито, — желанье и тоска,
Там все, что близится, — унылость и забвенья.

Здесь вечер как мечта: и робок, и летуч,
Но сердцу, где ни струн, ни слез, ни ароматов.
И где разорвано и слито столько туч...
Он как-то ближе розовых закатов.

*Ялта
Лето 1904*

СВЕЧКУ ВНЕСЛИ

Не мерещится ль вам иногда
Когда сумерки бродят по дому
Тут же возле иная среда,
Где живем мы совсем по-другому?

С тенью тень там так мягко слилась
Там бывает такая минута,
Что лучами незримыми глаз
Мы уходим друг в друга как будто.

И движеньем спугнуть этот миг
Мы боимся иль словом нарушить,
Точно ухом кто возле притник,
Заставляя далекое слушать.

Но едва запылает свеча,
Чуткий мир уступает без боя,
Лишь из глаз по наклонам луча
Тени в пламя сбегут голубое.

Трилистник соблазна

МАКИ

Веселый день горит... Среди сомлевших трав
Все маки пятнами — как жадное бессилье,
Как губы, полные соблазна и отрав,
Как алых бабочек развернутые крылья.

Веселый день горит... Но сад и пуст и глух.
Давно покончил он с соблазнами и с пиром, —
И маки сохлые, как головы старух,
Осенены с небес сияющим потиром.

МАКИ В ПОЛДЕНЬ

(Вариант)

Безуханно и цветисто
Чей-то нежный сгиб разогнут —
Крылья алого батиста
Развернулись и не дрогнут.

Все, что нежит, — даль да близь,
Оскорбив пятном кровавым,
Жадно маки разрослись
По сомлевшим тучным травам.

Но не в радость даже день им,
Темны пятна маков в небе,
И тяжелым сном осенним
Истомлен их яркий жребий.

Сном о том, что пуст и глух
Будет сад, а в нем, как в храме:
Тяжки головы старух...
Осененные Дарами.

СМЫЧОК И СТРУНЫ

Какой тяжелый, темный бред
Как эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!

Кому ж нас надо? Кто зажег
Два желтых лика, два унылых...
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто-то взял и кто-то слил их.

”О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?”
И струны ластились к нему,
Звеня, но, ластясь, трепетали.

”Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? довольно?..”
И скрипка отвечала ”да”,
Но сердцу скрипки было больно.

Смычок все понял, он затих,
А в скрипке эхо все держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.

Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На черном бархате постели.

В МАРТЕ

Позабудь соловья на душистых цветах,
Только утро любви не забудь!
Да ожившей земли в неживших листьях
Ярко-черную грудь!

Меж лохмотьев рубашки своей снеговой
Только раз и желала она —
Только раз напоил ее март огневой,
Да пьянее вина!

Только раз оторвать от разбухшей земли
Не могли мы завистливых глаз,
Только раз мы холодные руки сплели
И, дрожа, поскорее из сада ушли...
Только раз... в этот раз...

Трилистник сентиментальный

ОДУВАНЧИКИ

Захлопоталась девочка
В зеленом кушаке,
Два желтые обсевочка
Сажая на песке.

Не держатся и на-поди:
Песок ли им не рад?..
А солнце уж на западе,
И золотится сад.

За ручкой ручку белую
Малютка отряхнет:
"Чуть ямочку проделаю,
Ее и заметет..."

Противные, упрямые!"
Молчи, малютка дочь,
Коль неприятны ямы им,
Мы стебельки им прочь.

Вот видишь ли: все к лучшему —
Дитя, развеселись,

По холмику зыбучему
Две звездочки зажглись.

Мохнатые, шафранные
Звездинки из цветов...
Ну вот, моя желанная,
И садик твой готов.

Отпрыгаются ноженьки,
Весь высыплется смех,
А ночь придет — у Боженки
Постельки есть для всех...

Заснешь ты, ангел-девочка,
В пуху, на локотке...
А желтых два обсевочка
Распластаны в песке.

Кюоккала
26 июня 1909

СТАРАЯ ШАРМАНКА

Небо нас совсем свело с ума:
То огнем, то снегом нас слепило
И, ощерясь, зверем отступила
За апрель упрямая зима.

Чуть на миг сомлеет в забытьи
Уж опять на брови шлем надвинут,
И под наст ушедшие ручьи,
Не допев, умолкнут и застынут.

Но забыто прошлое давно,
Шумен сад, а камень бел и гулок,
И глядит раскрытое окно,
Как трава одела закоулок.

Лишь шарманку старую знобит,
И она в закатном мленьи мая
Все никак не смеет злых обид,
Цепкий вал кружа и нажимая.

И никак, цепляясь, не поймет
Этот вал, что ни к чему работа,
Что обида старости растет
На шипах от муки поворота.

Но когда б и понял старый вал,
Что такая им с шарманкой участь,
Разве б петь, кружась, он перестал
Оттого, что петь нельзя, не мучась?.

ВЕРБНАЯ НЕДЕЛЯ

В.П.Хмара-Борщевскому

В желтый сумрак мертвого апреля,
Попрощавшись с звездною пустыней,
Уплывала Вербная неделя
На последней, на погублой снежной льдине;

Уплывала в дымах благовонных,
В замираньи звонов похоронных,
От икон с глубокими глазами
И от Лазарей, забытых в черной яме.

Стал высоко белый месяц на ущербе,
И за всех, чья жизнь невозвратима,
Плыли жаркие слезы по вербе
На румяные щеки херувима.

*Царское село
14 апреля 1907*

Трилистник осенний

ТЫ ОПЯТЬ СО МНОЙ

Ты опять со мной, подруга осень,
Но сквозь сеть нагих твоих ветвей
Никогда бледней не стыла просинь,
И снегов не помню я мертвей.

Я твоих печальнее отребий
И черней твоих не видел вод,
На твоём линияло-ветхом небе
Желтых туч томит меня развод.

До конца все видеть, цепенея...
О, как этот воздух странно нов...
Знаешь что... я думал, что больнее
Увидать пустыми тайны слов...

АВГУСТ

Еще горят лучи под сводами дорог,
Но там, между ветвей, все глуше и немее:
Так улыбается бледнеющий игрок,
Ударов жребия считать уже не смея.

Уж день за сторами. С туманом по земле
Влечутся медленно унылые призывы...
А с ним всё душный пир, дробится в хрустале
Еще вчерашний блеск, и только астры живы...

Иль это — шествие белеет сквозь листья?
И там огни дрожат под матовой короной,
Дрожат и говорят: "А ты? Когда же ты?"
На медном языке истомы похоронной...

Игру ли кончили, гробница ль уплыла,
Но проясняются на сердце впечатленья;
О, как я понял вас: и вкрадчивость тепла,
И роскошь цветников, где проступает тленье...

ТО БЫЛО НА ВАЛЛЕН-КОСКИ

То было на Валлен-Коски.
Шел дождик из дымных туч,
И желтые мокрые доски
Сбегали с печальных круч.

Мы с ночи холодной зевали,
И слезы просились из глаз;
В утеху нам куклу бросали
В то утро в четвертый раз.

Разбухшая кукла ныряла
Послушно в седой водопад,
И долго кружилась сначала,
Все будто рвалась назад.

Но даром лизала пена
Суставы прижатых рук —
Спасенье ее неизменно
Для новых и новых мук.

Гляди, уж поток бурливый
Желтеет, покорен и вял;

Чухонец-то был справедливый,
За дело полтину взял.

И вот уж кукла на камне,
И дальше идет река...
Комедия эта была мне
В то серое утро тяжка.

Бывает такое небо,
Такая игра лучей,
Что сердцу обида куклы
Обиды своей жалчей.

Как листья, тогда мы чутки;
Нам камень седой, ожив,
Стал другом, а голос друга,
Как детская скрипка, фальшив.

И в сердце сознание глубоко,
Что с ним родился только страх,
Что в мире оно одиноко,
Как старая кукла в волнах...

Трилистник лунный

ЗИМНЕЕ НЕБО

Талый снег налетал и слетал,
Разгораясь, румянились щеки.
Я не думал, что месяц так мал
И что тучи так дымно-далеки...

Я уйду, ни о чем не спросив,
Потому что мой вынулся жребий
Я не думал, что месяц красив,
Так красив и тревожен на небе.

Скоро полночь. Никто и ничей,
Утомлен самым призраком жизни,
Я люблюсь на дымы лучей
Там, в моей обманувшей отчизне.

ЛУННАЯ НОЧЬ В ИСХОДЕ ЗИМЫ

Мы на полустанке,
Мы забыты ночью,
Тихой лунной ночью,
На лесной полянке...
Бред — или воочью
Мы на полустанке
И забыты ночью?
Далеко зашел ты,
Паровик усталый!
Доски бледно-желты,
Серебристо-желты,
И налип на шпалы
Иней мертво-талый.
Уж туда ль зашел ты,
Паровик усталый?
Тишь-то в лунном свете,
Или только греза
Эти тени, эти
Вздохи паровоза
И, осеребранный
Месяцем жемчужным
Этот длинный, черный
Сторож станционный
С фонарем ненужным
На тени узорной?
Динь-динь-динь — и мимо,
Мимо грезы этой,
Так невозвратно,
Так непоправимо
До конца не спетой
И звенящей где-то
Еле ощутимо.

*Почтовый тракт Вологда — Тотьма
27 марта 1906*

TRÄUMEREI

Сливались ли это тени,
Только тени в лунной ночи мая?
Это блики или цветы сирени
Там белели, на колени
Ниспадая?
Наяву ль и тебя ль безумно
И бездумно

Я любил в томных тенях мая?
Припадая к цветам сирени
Лунной ночью, лунной ночью мая,
Я твои ль целовал колени,
Разжимая их и сжимая,
В томных тенях, в томных тенях мая?
Или сад был одно мечтанье
Лунной ночи, лунной ночи мая?
Или сам я лишь тень немая?
Иль и ты лишь мое страданье,
Дорогая,
Оттого, что нам нет свиданья
Лунной ночью, лунной ночью мая...

Вологодский поезд
Ночь с 16 на 17 мая 1906 (?)

Трилистник обреченности

БУДИЛЬНИК

Обручена рассвету
Печаль ее рулад...
Как я игрушку эту
Не слушать был бы рад...

Пусть завтра будет та же
Она, что и вчера...
Сперва хоть громче, глаже
Идет ее игра.

Но вот, уж не читая
Давно постылых нот,
Гребенка золотая
Звенит, а не поет...

Цепляясь за гвоздочки,
Весь из бессвязных фраз
Напрасно ищет точки
Томительный рассказ

О чьем-то недоборе
Косноязычный бред...
Докучный лепет горя
Ненаступивших лет,

Где нет ни слез разлуки,
Ни стылости небес,
Где сердце — счетчик муки,
Машинка для чудес...

И скучно разминая
Пружину полчаса,
Где прячется смешная
И лишняя Краса.

СТАЛЬНАЯ ЦИКАДА

Я знал, что она вернется
И будет со мной — Тоска.
Звякнет и запахнется
С дверью часовщика...

Сердца стального трепет
Со стрекотаньем крыл
Сцепит и вновь расцепит
Тот, кто ей дверь открыл...

Жадным крылом цикады
Нетерпеливо бьют:
Счастью ль, что близко, рады,
Муки ль конец зовут?..

Столько сказать им надо,
Так далеко уйти...
Розно, увы! цикада,
Наши лежат пути.

Здесь мы с тобой лишь чудо,
Жить нам с тобою теперь
Только минуту — покуда
Не распахнулась дверь...

Звякнет и запахнется,
И будешь ты так далека...
Молча сейчас вернется
И будет со мной — Тоска.

ЧЕРНЫЙ СИЛУЭТ

Сонет

Пока в тоске растущего испуга
Томиться нам, живя, еще дано,
Но уж сердцам обманывать друг друга
И лгать себе, хладея, суждено;

Пока, прильнув сквозь мерзлое окно,
Нас сторожит ночами тень недуга,
И лишь концы мучительного круга
Не сведены в последнее звено, —

Хочу ль понять, тоскою пожираем,
Тот мир, тот миг с его миражным раем...
Уж мига нет — лишь мертвый брезжит свет...

И сад заглох... и дверь туда забита...
И снег идет... и черный силуэт
Захолодел на зеркале гранита.

Трилистник огненный

АМЕТИСТЫ

Когда, сжигая синеву,
Багряный день растет, неистов,
Как часто сумрак я зову,
Холодный сумрак аметистов.

И чтоб не знойные лучи
Сжигали грани аметиста,
А лишь мерцание свечи
Лилось там жидко и огнисто.

И, лиловея и дробясь,
Чтоб уверяло там сиянье,
Что где-то есть не наша связь
А лучезарное слиянье...

СИЗЫЙ ЗАКАТ

Близился сизый закат.
Воздух был нежен и хмелен,
И отуманенный сад
Как-то особенно зелен.

И, о Незримой твердя
В тучах таимой печали,
В воздухе, полном дождя,
Трубы так мягко звучали.

Вдруг — точно яркий призыв,
Даль чем-то резко разъялась:
Мягкие тучи пробив,
Медное солнце смеялось.

ЯНВАРСКАЯ СКАЗКА

Светилась колдуньяна маска,
Постукивал мерно костыль...
Моя новогодняя сказка,
Последняя сказка, не ты ль?

О счастье уста не молили,
Тенями был полон покой,
И чаши открывшихся лилий
Дышали нездешней тоской.

И, взоры померкшие нежа,
С тоской говорили цветы:
"Мы те же, что были, всё те же,
Мы будем, мы вечны... а ты?"

Молчите... Иль грезить не лучше
Когда чуть дымятся угли?...
Январское солнце не жгуче,
Так пылки его хрустали...

Трилистник кошмарный

КОШМАРЫ

”Вы ждете? Вы в волнении? Это бред.
Вы отворять ему идете? Нет!
Поймите: к вам стучится сумасшедший,
Бог знает где и с кем всю ночь прошедший,
Оборванный, и речь его дика,
И камешков полна его рука;
Того гляди — другую опростает,
Вас листьями сухими закидает,
Иль целовать задумает, и слез
Останутся следы в смятении кос,
Коли от губ удастся скрыть лицо вам,
Смущенным и мучительно пунцовым.

.....
Послушайте!.. Я только вас пугал:
Тот далеко, он умер... Я солгал.
И жалобы, и шепоты, и стуки —
Все это ”шелест крови”, голос муки
Которую мы терпим, я ли, вы ли...
Иль вихри в плен попались и завывали?
Да нет же! Вы спокойны... Лишь у губ
Змеится что-то бледное... Я глуп...
Свиданье здесь назначено другому...
Все понял я теперь: испуг, истому
И влажный блеск таимых вами глаз”.
Стучат? Идут? Она приподнялась.
Гляжу — фитиль у фонаря спустила
Он розовый... Вот косы отпустила.
Взвились и пали косы... Вот ко мне
Идет... И мы в огне, в одном огне...
Вот руки обвились и увлекают,
А волосы и колют, и ласкают...
Так вот он, ум мужчины, тот гордец,
Не стоящий ни трепетных сердец,
Ни влажного и розового зноя!

.....
И вдруг я весь стал существо иное...
Постель... Свеча горит. На грустный тон
Лепечет дождь... Я спал и видел сон.

КИЕВСКИЕ ПЕЩЕРЫ

Тают зеленые свечи,
Тускло мерцает кадило,
Что-то по самые плечи
В землю сейчас уходило,

Чьи-то беззвучно уста
Молят дыханья у плит,
Кто-то, нагнувшись, "с креста"
Желтой водой их поит...

"Скоро ль?" — Терпение, скоро...
Звоном наполнились уши,
А чернота коридора
Все безответней и глуше...

Нет, не хочу, не хочу!
Как! Ни людей, ни пути?
Гасит дыханье свечу?
Тише... Ты должен ползти...

ТО И ЭТО

Ночь не тает. Ночь как камень.
Плача тает только лед,
И струит по телу пламень
Свой причудливый полет.

Но лопочут, даром тая,
Ледышки на голове:
Не запомнить им, считая,
Что подушек только две.

И что надо лечь в угарный,
В голубой туман костра,
Если тошен луч фонарный
На скользоте топора.

Но отрадной до рассвета
Сердце дремой залито,
Все простит им... если это
Только *Это*, а не *То*.

Трилистник проклятия

ЯМБЫ

О, как я чувствую накопленное бремя
Отравленных ночей и грязно-бледных дней!
Вы, карты, есть ли что в одно и то же время
Приманчивее вас, пошлее и страшней!

Вы страшны нежностью похмелья, и науке,
Любви, поэзии — всему вас предпочтут.
Какие подлые не пожимал я руки,
Не соглашался с чем?.. Скорей! Колоды ждут...

Зеленое сукно — цвет малахитов тины,
Весь в пепле туз червей на сломанном мелке...
Подумай: жертву накануне гильотины
Дурманят картами и в каменном мешке.

КУЛАЧИШКА

Цвести средь немолчного ада
То грузных, то гулких шагов,
И стонущих блоков и чада,
И стука бильярдных шаров.

Любиться, пока полосую
Кровавой не вспыхнул восток.
Часочек, покуда с косою
Не сладился белый платок.

Скормить Помыканьям и Злобам
И сердце, и силы дотла —
Чтоб дочь за газетовым гробом,
Горбатая, с зонтиком шла.

Грязовец
Ночь с 21 на 22 мая 1906

О НЕТ, НЕ СТАН

О нет, не стан, пусть он так нежно-зыбок,
Я из твоих соблазнов затаю,
Не влажный блеск малиновых улыбок
Страдания холодную змею.

Так иногда в банально-пестрой зале,
Где вальс звенит, волнуя и моля,
Зову мечтой я звуки Парсифаля,
И Тень, и Смерть над маской короля...

.....
Оставь меня. Мне ложе стелет Скука.
Зачем мне рай, которым грезят все?
А если грязь и низость — только мука
По где-то там сияющей красе?..

Вологда
19 мая 1906

Трилистник победный

В ВОЛШЕБНУЮ ПРИЗМУ

Хрусталь мой волшебен трикраты.
Под первым устоем ребра —
Там руки с мученьем разжаты,
Раскидано пламя костра.

Но вновь не увидишь костер ты,
Едва передвинешь устой —
Там бледные руки простерты
И мрак обнимают пустой.

Нажмешь ли устой ты последний —
Ни сжатых, ни рознятых рук,
Но радуги нету победней,
Чем радуга конченных мук!..

ТРОЕ

Ее факел был огнен и ал,
Он был талый и сумрачный снег:
Он глядел на нее и сгорал,
И сгорал от непознанных нег.

Лоно смерти открылось черно —
Он не слышал призыва: "Живи",
И осталось в эфире одно
Безнадежное пламя любви,

Да на ложе глубокого рва,
Пенной ризой покрыта до пят,
Одинокая грезит вдова —
И холодные воды кипят...

ПРОБУЖДЕНИЕ

Кончилась яркая чара.
Сердце очнулось пустым:
В сердце, как после пожара
Ходит удушливый дым.

Кончилась? Жалкое слово,
Жалкого слова не труть:
Скоро в остатках былого
Я и сквозь дым разберусь.

Что не хотело обмана —
Все остается со мной...
Солнце за гарью тумана
Желто, как вставший больной.

Жребий, о сердце, твой понят —
Старого пепла не тронь...
Больше проклятый огонь
Стен твоих черных не тронет!

Трилистник траурный

ПЕРЕД ПАНИХИДОЙ

Сонет

Два дня здесь шепчут: прям и нем,
Все тот же гость в дому,
И вянут космы хризантем
В удушливом дыму.

Гляжу и мыслю: мир ему.
Но нам-то, нам-то всем,
Иль люк в ту смрадную тюрьму
Захлопнулся совсем?

”Ах! Что мертвец! Но дочь, вдова...”
Слова, слова, слова.
Лишь Ужас в белых зеркалах

Здесь молит и поет
И с поясным поклоном Страх
Нам свечи раздает.

<БАЛЛАДА>

<Н. С. Гумилеву>

День был ранний и молочно парный,
Скоро в путь, поклажу прикрутили...
На шоссе перед запряжкой парной
Фонари, мигая, закоптили.

Позади лишь вымершая дача...
Желтая и скользкая... С балкона
Холст повис, ненужный там... но спешно,
Оборвав, сломали георгины.

”Во блаженном...” И качнулись клячи:
Маскарад печалей их измаял...
Желтый пес у разоренной дачи
Бил хвостом по ельнику и лаял...

Но сейчас же, вытянувши лапы,
На песке разлегся, как в постели...
Только мы, как сняли в страхе шляпы —
Так надеть их больше и не смели.

...Будь ты проклята, левкoем и фенолом
Равнодушно дышащая Дама!
Захочу — так сам тобой я буду...
Захоти, попробуй! — шепчет Дама

Посылка

Вам я шлю стихи мои, когда-то
Их вдали игравшие солдаты!
Только ваши, без четверостиший,
Пели трубы горестней и тише...

31 мая 1909

СВЕТЛЫЙ НИМБ

Сонет

Зыбким прахом закатных полос
Были свечи давно облиты,
А куренье, вясь, все лилось,
Все, бледнея, сжимались цветы.

И так были безумны мечты
В чадном море молений и слез,
На развившемся нимбе волос
И в дыму ее черной фаты,

Что в ответ замерцал огонек
В аметистах тяжелых серег.
Синий сон благовонных кадил

Разошелся тогда ж без следа...
Отчего ж я фату навсегда,
Светлый нимб навсегда полюбил?

Трилистник тоски

ТОСКА ОТШУМЕВШЕЙ ГРОЗЫ

Сердце ль не томилось
Желанием грозы
Сквозь вспышки бело-алые?
А теперь влюбилось
В бездонность бирюзы,
В ее глаза усталые.

Все, что есть лазурного,
Излилось в лучах
На зыби златошвейные,
Все, что там безбурного
И с ласкою в очах, —
В сады зеленовейные.

В стекла бирюзовые
Одна глядит гроза
Из чуждой ей обители...
Больше не суровые,
Печальные глаза,
Любили ль вы, простите ли?

ТОСКА ПРИПОМИНАНИЯ

Мне всегда открывается та же
Залитая чернилом страница.
Я уйду от людей, но куда же,
От ночей мне куда схорониться?

Все живые так стали далеки,
Все небытное стало так внятно,
И слились позабытые строки
До зари в мутно-черные пятна.

Весь я там в невозможном ответе
Где миражные буквы маячат...
...Я люблю, когда в доме есть дети
И когда по ночам они плачут.

ТОСКА БЕЛОГО КАМНЯ

Камни млеют в истоме,
Люди залиты светом,
Есть ли города летом
Вид постыло-знакомей?

В трафарете готовом
Он — узор на посуде...
И не все ли равно вам:
Камни там или люди?

Сбита в белые камни
Нищетой бледнолицей
Эта одурь была мне
Колыбелью-темницей.

Коль она не мелькает
Безотрадно и чадно,
Так, давя вас, смыкает,
И уходишь так жадно

В лиловатость отсветов
С высей бледно-безбрежных
На две цепи букетов
Возле плит белоснежных.

Так, устав от узора,
Я мечтой замираю
В белом глянце фарфора
С ободочком по краю.

Симферополь
1904

Трилистник дождевой

ДОЖДИК

Вот сизый чехол и распорот —
Не все ж ему праздно висеть,
И с лязгом асфальтовый город
Хлестнула холодная сеть...

Хлестнула и стала мотаться
Сама серебристо-светла,
Как масло в руке святотатца,
Глазеты вокруг залила.

И в миг, что с лазурью любилось,
Стыдливых молчаний полно
Все темною пеной забилося
И нагло стучится в окно.

В песочной зароется яме,
По трубам бежит и бурлит,
То жалкими брызнет слезами.
То радугой парной горит.

.....

О нет! Без твоих превращений,
В одно что-нибудь застывай!
Не хочешь ли дремой осенней
Окутать кокетливо май?

Иль сделаться Мною, быть может.
Одним из упрямых калек,
И всех уверять, что не дожит
И первый Овидиев век:

Из сердца за Иматру лет
Ничто, мол, у нас не уходит —
И в мокром асфальте поэт
Захочет, так счастье находит.

*Царское Село
29 июня 1909*

ОКТЯБРЬСКИЙ МИФ

Мне тоскливо. Мне невмочь
Я шаги слепого слышу:
Надо мною он всю ночь
Оступается о крышу.

И мои ль, не знаю, жгут
Сердце слезы, или это
Те, которые бегут
У слепого без ответа,

Что бегут из мутных глаз
По щекам его поблеклым
И в глухой полночный час
Растекаются по стеклам.

РОМАНС БЕЗ МУЗЫКИ

В непроглядную осень туманны огни,
И холодные брызги летят,
В непроглядную осень туманны огни,
Только след от колес золотят,

В непроглядную осень туманны огни,
Но туманней отравленный чад,
В непроглядную осень мы вместе, одни,
Но сердца наши, сжавшись, молчат.
Ты от губ моих кубок возьмешь непочат,
Потому что туманны огни...

Трилистник призрачный

NOX VITAE

Отраднa тень, пока крушин
Вливает кровь в хлороз жасмина...
Но... ветер... клены... шум вершин
С упреком давнего помина...

Но... в блекло-призрачной луне
Воздушно-черный стан растений,
И вы, на мрачной белизне
Ветвей тоскующие тени!

Как странно слиты сад и твердь
Своим безмолвием суровым,
Как ночь напоминает смерть
Всем, даже выцветшим покровом.

А все ведь только что сейчас
Лазурно было здесь, что нужды?
О тени, я не знаю вас,
Вы так глубоко сердцу чужды.

Неужто ж точно, Боже мой,
Я здесь любил, я здесь был молод,
И дальше некуда?.. Домой
Пришел я в этот лунный холод?

КВАДРАТНЫЕ ОКОШКИ

О дали лунно-талые,
О темно-снежный путь,
Болит душа усталая
И не дает заснуть.

За чахлыми горошками.
За мертвой резедой
Квадратными окошками
Беседую с луной.

Смиренно дума-странница
Сложила два крыла,
Но не мольбой туманится
Покой ее чела.

”Ты помнишь тиховейные
Те вешние утра,
И как ее кисейная
Тонка была чадра.

Ты помнишь серебристую
Из мальвовых полос,
Как ты чадру душистую
Не смел ей снять с волос?

И как, тоской измученный,
Так и не знал потом —
Узлом ли были скручены
Они или жгутом?”

”Молчи, воспоминание,
О грудь моя, не ной!
Она была желаннее
Мне тайной и луной.

За чару ж серебристую
Тюльпанов на фате
Я сто обеден выстою,
Я изнурюсь в постеле!”

”А знаешь ли, что тут она?”
”Возможно ль, столько лет?”
”Гляди — фатой окутана...
Узнал ты узкий след?”

Так страстно не разгадана,
В чадре живой, как дым,
Она на волнах ладана
Над куколем твоим”.

”Она... да только с рожками,
С трясучей бородой —
За чахлыми горошками,
За мертвой резедой...”

МУЧИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ

Едва пчелиное гуденье замолчало,
Уж ноющий комар приблизился, звеня
Каких обманов ты, о сердце, не прощало
Тревожной пустоте оконченного дня?

Мне нужен талый снег под желтизной огня,
Сквозь потное стекло светящего устало,
И чтобы прядь волос так близко от меня,
Так близко от меня, развившись, трепетала.

Мне надо дымных туч с померкшей высоты,
Круженья дымных туч, в которых нет бывшего,
Полузакрытых глаз и музыки мечты,

И музыки мечты, еще не знавшей слова...
О, дай мне только миг, но в жизни, не во сне,
Чтоб мог я стать огнем или сгореть в огне!

Трилистник ледяной

ЛЕДЯНАЯ ТЮРЬМА

Пятно жерла стеною огибая,
Минутно лед туманный позлащен...
Мечта весны, когда-то голубая,
Твоей тюрьмой горящей я смущен.

Истомлена сверканием напрасным,
И плачешь ты, и рвешься трепеща,
Но для чудес в дыму полудня красном
У солнца нет победного луча.

Ты помнишь лик светила, но иного,
В тебя не те гляделися цветы,
И твой конец на сердце у больного,
Коль под землей не задохнешься ты

Но не желай свидетелям безмолвным
До чар весны сберечь свой синий плен...
Ты не мечта, ты будешь только тлен
Раскованным и громозвучным волнам.

СНЕГ

Полюбил бы я зиму
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.

Эта резанность линий,
Этот грузный полет,
Этот нищенски синий
И заплаканный лед!

Но люблю ослабелый
От заоблачных нег —
То сверкающе белый,
То сиреневый снег...

И особенно талый,
Когда, выси открыв,
Он ложится усталый
На скользящий обрыв.

Точно стада в тумане
Непорочные сны —
На томительной грани
Всесожженья весны.

ДОЧЬ ИАИРА

Нежны травы, белы плиты,
И звонит победно медь:
"Голубые льды разбиты,
И они должны сгореть!"

Точно кружит солнце, зимний
Долгий плен свой позабыв;
Только мне в пасхальном гимне
Смерти слышится призыв.

Ведь под снегом сердце билось.
Там тянулась жизни нить:
Ту алмазную застылость
Надо было разбудить...

Для чего ж с контуров нежно
Непорочной красоты
Грубо сорван саван снежный,
Жечь зачем ее цветы?

Для чего так сине пламя,
Раскаленность так бела
И, гудя, с колоколами
Слили звон колокола?

Тот, грехи подъявший мира,
Осушавший реки слез,
Так ли дочь Иаира
Поднял некогда Христос?

Не мигнул фитиль горящий,
Не зазыбил ветер ткань...
Подошел Спаситель к спящей
И сказал ей тихо: "Встань".

Трилистник вагонный

ТОСКА ВОКЗАЛА

О канун вечных будней,
Скуки липкое жало...
В пыльном зное полудней
Гул и краска вокзала...

Полумертвые мухи
На забитом киоске,
На пролитой известке
Слепы, жадны и глухи.

Флаг линяло-зеленый,
Пара белые взрывы,
И трубы отдаленной
Без отзыва призывы.

И эмблема разлуки
В обманувшем свиданьи
Кондуктор однорукый
У часов в ожиданьи...

Есть ли что-нибудь нудней,
Чем недвижимая точка,
Чем дрожанье полудней
Над дремотой листочка...

Что-нибудь, но не это...
Подползай — ты обязан:
Как ты жарок, измазан,
Все равно — ты не это!

Уничтожиться, канув
В этот омут безликий,
Прямо в одурь диванов,
В полосатые тики!..

В ВАГОНЕ

Довольно дел, довольно слов,
Побудем молча, без улыбок,
Снежит из низких облаков,
А горний свет уныл и зыбок.

В непостижимой им борьбе
Мягутся черные ракиты.
"До завтра, — говорю тебе, —
Сегодня мы с тобою квиты".

Хочу, не грезя, не моля,
Пускай безмерно виноватый,
Глядеть на белые поля
Через стекло с налипшей вате

А ты красуйся, ты — гори...
Ты уверяй, что ты простила,
Гори полоской той зари,
Вокруг которой все застыло.

ЗИМНИЙ ПОЕЗД

Снегов немую черноту
Прожгло два глаза из тумана,
И дым остался на лету
Горящим золотом фонтана.

Я знаю — пышущий дракон,
Весь занесен пушистым снегом,
Сейчас порвет мятежным бегом
Завороженной дали сон.

А с ним, усталые рабы,
Обречены холодной яме,
Влачатся тяжкие гробы,
Скрипя и лязгая цепями.

Пока с разбитым фонарем,
Наполовину притушенным,

Среди кошмара дум и дрем
Проходит Полночь по вагонам.

Она — как призрачный монах.
И чем ее дозоры глуше,
Тем больше чада в черных снах
И затеканий и удуший;

Тем больше слов, как бы не слов
Тем отвратительней дыханье,
И запрокинутых голов
В подушках красных колыханье.

Как вор, наметивший карман,
Она тиха, пока мы живы,
Лишь молча точит свой дурман
Да тушит черные наплывы.

А снизу стук, а сбоку гул,
Да все бесцельней, безымянней...
И мерзок тем, кто не заснул,
Хаос полусуществований!

Но тает ночь... И, дряхл и сед,
Еще вчера Закат осенний,
Приподнимается Рассвет
С одра его томившей Тени.

Забывшим за ночь свой недуг
В глаза опять глядит терзанье,
И дребезжит сильнее стук.
Дробя налеты обмерзанья.

Пары желтеющей стеной
Загородили красный пламень,
И стойко должен зуб больной
Перегрызать холодный камень.

Трилистник бумажный

СПУТНИЦЕ

Как чисто гаснут небеса,
Какою прихотью ажурной
Уходят дальние леса
В ту высь, что знали мы лазурной...

В твоих глазах упрека нет:
Ты туч закатных догоранье
И сизо-розовый отсвет
Встречаешь как воспоминанье.

Но я тоски не поборю:
В пустыне выжженного неба
Я вижу мертвую зарю
Из незакатного Эреба.

Уйдем... Мне более невмочь
Застылость этих четких линий
И этот свод картонно-синий...
Пусть будет солнце или ночь!..

НЕЖИВАЯ

На бумаге синей,
Грубо, грубо синей,
Но в тончайшей сетке
Разметались ветки,
Ветки-паутинки.
А по веткам иней,
Самоцветный иней,
Точно сахаринки...
По бумаге синей
Разметались ветки,
Слезы были едки.
Бедная тростинка,
Милая тростинка,
И чего хлопочет?
Все уверить хочет,
Что она живая,
Что, изнемогая
(Полно, дорогая!), —
И она ждет мая,
Ветреных объятий
И зеленых платьев,
Засыпать под сказки
Соловьинной ласки
И проснуться, щуря
Заспанные глазки
От огня лазури.
На бумаге синей.
Грубо, грубо синей,
Разметались ветки
Ветки-паутинки.

Заморозил иней
У сухой тростинки
На бумаге синей
Все ее слезинки.

ОФОРТ

Гул печальный и дрожащий
Не разлился — и застыл...
Над серебряною чашей
Алый дым и темный пыл,

А вдали рисунок четкий —
Леса синие верхи,
Как на меди крепкой водкой
Проведенные штрихи.

Ясен путь, да страшен жребий
Застывая, онеметь, —
И по мертвом солнце в небе
Стонет раненая медь.

Неподвижно в кольца дыма
Черной думы врезан дым...
И она была язвима —
Только ядом долгих зим.

Трилистник в парке

<Я НА ДНЕ>

Я на дне, я печальный обломок,
Надо мной зеленеет вода.
Из тяжелых стеклянных потемок
Нет путей никому, никуда...

Помню небо, зигзаги полета,
Белый мрамор, под ним водоем,
Помню дым от струи водомета,
Весь изниженный синим огнем...

Если ж верить тем шепотам бреда,
Что томят мой постылый покой,
Там тоскует по мне Андромеда
С искаленной белой рукой.

Вологда
20 мая (1906)

БРОНЗОВЫЙ ПОЭТ

На синем куполе белеют облака,
И четко ввысь ушли кудрявые вершины,
Но пыль уж светится, а тени стали длинны,
И к сердцу призраки плывут издалека.

Не знаю, повесть ли была так коротка,
Иль я не дочитал последней половины?..
На бледном куполе погасли облака,
И ночь уже идет сквозь черные вершины..

И стали — и скамья и человек на ней
В недвижимом сумраке тяжеле и страшней.
Не шевелись — сейчас гвоздики засверкают,

Воздушные кусты сольются и растают,
И бронзовый поэт, стряхнув дремоты гнет,
С подставки на траву росистую прыгнёт.

”РАСЕ”

Статуя мира

Меж золоченых бань и обелисков славы
Есть дева белая, а вокруг густые травы.

Не тешит тирс ее, она не бьет в тимпан,
И беломраморный ее не любит Пан,

Одни туманы к ней холодные ласкались,
И раны черные от влажных губ остались.

Но дева красотой по-прежнему горда,
И трав вокруг нее не косят никогда.

Не знаю почему — богини изваянье
Над сердцем сладкое имеет обаянье...

Люблю обиду в ней, ее ужасный нос,
И ноги сжатые, и грубый узел кос.

Особенно, когда холодный дождик сеет,
И нагота ее беспомощно белеет...

О дайте вечность мне, — и вечность я отдам
За равнодушие к обидам и годам.

Трилистник из старой тетради

ТОСКА МАЯТНИКА

Неразгаданным надрывом
Подоспел сегодня срок:
В стекла дождик бьет порывом,
Ветер пробует крючок.

Точно вымерло все в доме...
Желт и черен мой огонь,
Где-то тяжело по соломе
Переступит, звякнув, конь.

Тело скорбно и разбито,
Но его волнует жуть,
Что обиженно-сердито
Кто-то мне не даст уснуть.

И лежу я околдован,
Разве тем и виноват,
Что на белый циферблат
Пышный розан намалеван.

Да по стенке ночь и день,
В душной клетке человеческой,
Ходит-машет сумасшедший,
Волоча немую тень.

Ходит-ходит, вдруг отскочит,
Зашипит — отмерил час,
Зашипит и захохочет,
Залопочет, горячась.

И опять шагами мерить
На стене дрожащий свет,
Да стеречь, нельзя ль проверить,
Спят ли люди или нет.

Ходит-машет, а для такта
И уравнивая шаг,
С злобным рвением "так-то, так-то"
Повторяет маниак...

Все потухло. Больше в яме
Не видать и не слышать...

Только кто же там махать
Продолжает рукавами?

Нет. Довольно... хоть едва,
Хоть тоскливо даль белеет
И на плече голова
Не без сладости хмелеет.

КАРТИНКА

Мелко, мелко, как из сита,
В тарантас дождит туман,
Бледный день встает сердито,
Не успев стряхнуть дурман.

Пуст и ровен путь мой дальний...
Лишь у черных деревень
Бесконечный все печальней,
Словно дождь косою плетень.

Чу... Проснулся грай вороний,
В шалаше встает пастух,
И сквозь тучи липких мух
Тяжело ступают кони.

Но узлы седых хвостов
У буланой нашей тройки,
Доски свежие мостов,
Доски черные постройки —

Все поплыло в хлябь и смесь.
Пересмякло, послипалось...
Ночью мне совсем не спалось
Не попробовать ли здесь?

Да, заснешь... чтоб быть без шапки,
Вот дела... — Держи к одной! —
Глядь — замотанная в тряпки
Амазонка предо мной.

Лет семи всего — ручонки
Так и впились в узду,
Не дают плестись клячонке,
А другая — в поводу.

Жадным взглядом проводила,
Обернувшись, экипаж
И в тумане затрусил,
Чтоб исчезнуть, как мираж

И щемящей укоризне
Уступило забытье:
"Это — праздник для нее.
Это — утро, утро жизни".

СТАРАЯ УСАДЬБА

Сердце дома. Сердце радо. А чему?
Тени дома? Тени сада? Не пойму.

Сад старинный, всё осины — тощи, страх!
Дом — руины... Тины, тины что в прудах...

Что утрат-то!.. Брат на брата.. Что обид!..
Прах и гнилость... Накренилось... А стоит.

Чье жилище? Пепелище?.. Угол чей?
Мертвой нищей логовище без печей...

Ну как встанет, ну как глянет из окна:
"Взять не можешь, а тревожишь, старина!

Ишь затейник! Ишь забавник! Что за прыть
Любит древних, любит давних ворошить...

Не сфальшивишь, так иди уж: у меня
Не в окошке, так из кошки два огня.

Дам и брашна — волчьих ягод, белены...
Только страшно — месяц за год у луны...

Столько вышек, столько лестниц — двери нет...
Встанет месяц, глянет месяц — где твой след?...

Тес... ни слова... даль былого — но сквозь дым
Мутно зрима... Мимо, мимо... И к живым!

Иль истомы сердцу надо моему?
Тени дома? Шума сада?.. Не пойму.

Трилистник толпы

ПРЕЛЮДИЯ

Я жизни не боюсь. Своим бодрящим шумом
Она дает гореть, дает светиться думам.
Тревога, а не мысль растет в безлюдной мгле,
И холодно цветам ночами в хрустале.
Но в праздности моей рассеяны мгновенья,
Когда мучительно душе прикосновенье,
И я дрожу среди вас, дрожу за свой покой,
Как спичку на ветру загородив рукой...
Пусть это только миг... В тот миг меня не трогай
Я ощупью иду тогда своей дорогой...
Мой взгляд рассеянный в молчаньи примет
И не мешай другим вокруг меня шуметь.
Так лучше. Только бы меня не замечали
В тумане, может быть, и творческой печали.

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА

В аллею черные спустились небеса,
Но сердцу в эту ночь не превозмочь усталость...
Погасшие огни, немые голоса —
Неужто это все, что от мечты осталось?

О, как печален был атлас ее одежды,
И вырез жутко бел среди наплечий черных!
Как жалко было мне ее недвижных глаз
И снежной лайки рук молитвенно-покорных!

А сколько было там развеяно души
Среди рассеянных, мятежных и бесслезных!
Что звуков пролито, взлелеянных в тиши,
Сиреневых, и ласковых, и звездных!

Так с нити порванной в волненьи иногда,
Среди месячных лучей, и нежны и огнисты,
В росистую траву катятся аметисты
И гибнут без следа.

БУДДИЙСКАЯ МЕССА В ПАРИЖЕ

Ф. Фр. Зелинскому

1

Колонны, желтыми увитые шелками,
И платья *rêche* и *mauve* в немного яркой раме,
Среди струистых смол и лепета звонков,
И ритмы странные тысячелетних слов,
Слегка смягченные в осенней позолоте, —
Вы в памяти моей сегодня оживете.

2

Священнодействовал базальтовый монгол,
И таял медленно таинственный глагол
В капризно созданном среди музея храме,
Чтоб дамы черными играли веерами
И, тайне чуждые, как свежий их ирис,
Лишь переводчикам внимали строго мисс.

3

Мой взор рассеянный шелков ласкали пятна,
Мне в таинстве была лишь музыка понятна,
Но тем внимательней созвучья я ловил,
Я ритмами дышал, как волнами кадил,
И было стыдно мне пособий бледной прозы
Для той мистической и музыкальной грезы.

4

Обедня кончилась, и сразу ожил зал,
Монгол с улыбкою цветы нам раздавал,
И, экзотичные вдыхая ароматы,
Спешили к выходу певцы и дипломаты,
И дамы, бережно поддерживая трен, —
Чтоб слушать вечером Маскотту иль Кармен.

5

А в воздухе жила непонятая фраза,
Рожденная душой в мучении экстаза,
Чтоб чистые сердца в ней пили благодать
И странно было мне, и жутко увидеть,
Как над улыбками спускалися вуали
И пальцы нежные цветы богов роняли.

СЕРЕБРЯНЫЙ ПОЛДЕНЬ

Серебряным блеском туман
К полудню еще не развеян,
К полудню от солнечных ран
Стал даже желтее туман,
Стал даже желтей и мертвей он,
А полдень горит так суров,
Что мне в этот час неприятны
Лиловых и алых шаров
Меж клочьями мертвых паров
В глаза замелькавшие пятна.
И что ей тут надо сказать,
Безумной и радостной своре,
Все солнце ловить и искать?
И солнцу с чего ж их ласкать,
Воздушных на мертвом просторе!
Подумать, что помпа бюро,
Огней и парчи серебро,
Должна потускнеть в фимиаме:
Пришли Арлекин и Пьеро,
О, белая помпа бюро!
И стали у гроба с свечами!

ШАРИКИ ДЕТСКИЕ

Шарики, шарики!
Шарики детские!
Деньги отецкие!
Покупайте, сударики, шарики!
Эй, лисья шуба, коли есть лишни,
Не пожалей пятишни:
Запущу под самое нёбо —
Два часа потом глазей, да в оба!
Хорошо ведь, говорят, на воле.
Чирикнуть, ваше степенство, что ли?
Прикажете для общего восторгу,
Три семьдесят пять — без торгу!
Ужели же менее
За освободительное движение?
Что? Пасуешь?.. Эй, тетка! Который торгуешь?
Мал?
Извините, какого поймал...
Бывает —

Другой и вырастает.
А наш Тит
Так себя понимает,
Что брюха не растит,
А все по верхам глядит
От больших от дум!..
Ты который торгуешь?
Да не мни, не кум,
Наблудишь — не надуешь..
Шарики детски,
Красны, лиловы,
Очень дешевы!
Шарики детски!
Эй, воротник, говоришь по-немецки?
Так бери десять штук по парам,
Остальные даром..
Жалко, ты по-немецки слабенец,
А не то — уговор лучше денег!
Пожалте, старичок!
Как вы — чок в чок —
Вот этот пузатенький,
Желтоватенький
И на сердце с Катенькой...
Цена не цена —
Всего пятак,
Да разве еще четвертак,
А прибавишь гривенник для барства —
Бери с гербом государства!
Шарики детски, шарики!
Вам, сударики, шарики,
А нам бы, сударики, на шкалики!..

УМИРАНИЕ

Слава Богу, снова тень!
Для чего-то спозаранья
Надо мною целый день
Длится это умиранье,
Целый сумеречный день!
Между старых желтых стен,
Доживая горький плен,
Содрогается опальный
Шар на нитке темно-алый,
Между старых желтых стен!
И, бессильный, точно тень,
В этот сумеречный день
Все еще он тянет нитку
И никак не кончит пытку

В этот сумеречный день...
Хоть бы ночь скорее, ночь!
Самому бы изнемочь,
Да забыться примиренным,
И уйти бы одуренным
В одуряющую ночь!
Только б тот над головой,
Темно-алый, чуть живой,
Подождал пока над ложем
Быть таким со мною схожим...
Этот темный, чуть живой,
Там, над самой головой...

Трилистник весенний

ЧЕРНАЯ ВЕСНА (Таёт)

Под гулы меди — гробовой
Творился перенос,
И, жутко задран, восковой
Глядел из гроба нос.

Дыханья, что ли, он хотел
Туда, в пустую грудь?..
Последний снег был темно-бел,
И тяжек рыхлый путь.

И только изморозь, мутна,
На тление лилась,
Да тупо черная весна
Глядела в студень глаз —

С облезлых крыш, из бурых ям,
С позеленелых лиц...
А там, по мертвенным полям,
С разбухших крыльев птиц...

О люди! Тяжек жизни след
По рытвинам путей,
Но ничего печальней нет,
Как встреча двух смертей.

*Тотьма
19 марта 1906*

ПРИЗРАКИ

И бродят тени, и молят тени:
"Пусти, пусти!"
От этих лунных осеребрений
Куда ж уйти?

Зеленый призрак куста сирени
Прильнул к окну...
Уйдите, тени, оставьте, тени,
Со мной одну...

Она недвижна, она немая,
С следами слез,
С двумя кистями сиреней мая
В извивах кос...

Но и неслышным я верен пеням,
И, как в бреду,
На гравий сада я по ступеням
За ней сойду...

О бледный призрак, скажи скорее
Мои вины,
Покуда стекла на галерее
Еще черны.

Цветы завянут, цветы обманны,
Но я... я — твой!
В тумане холод, в тумане раны
Перед зарей...

ОБЛАКА

Пережиты ли тяжкие проводы,
Иль глаза мне глядят неизбежные,
Как тогда вы мне кажетесь молоды,
Облака, мои лебеди нежные!

Те не снятся ушедшие грозы вам,
Все бы в небе вам плавать да нежиться,
Только под вечер в облаке розовом
Будто девичье сердце забрезжится...

Но не дружны вы с песнями звонкими,
Разойдусь я, так вы затуманитесь,

Безнадежно, полосками тонкими,
Расплываясь, друг к другу все тянетесь..

Улетели и песни пугливые,
В сердце радость сменилась раскаяньем,
А вы всё надо мною, ревнивые,
Будто плачете дымчатым таяньем...

Трилистник шуточный

ПЕРЕБОЙ РИТМА

Сонет

Как ни гулок, ни живуч — Ям-
б, утомлен и он, затих
Средь мерцаний золотых.
Уступив иным созвучьям

То-то вдруг по голым сучьям
Прозы утра, град шутих,
На листы веленьем щучьим
За стихом поскачет стих.

Узнаю вас, близкий рампе,
Друг крылатый эпиграмм, Пэ
— она третьего размер.

Вы играли уж при мер-
цаньи утра бледной лампе
Танцы нежные Химер.

ПЭОН ВТОРОЙ — ПЭОН ЧЕТВЕРТЫЙ

Сонет

На службу Лести иль Мечты
Равно готовые консорты,
Назвать вас вы, назвать вас ты
Пэон второй — пэон четвертый?

Как на монетах, ваши стерты
Когда-то светлые черты,
И строки мшистые плиты
Глазурью льете вы на торты.

Вы — сине-призрачных высот
В колодце снимок помертвелый,
Вы — блок пивной осатанелый,

Вы — тот посыльный в Новый год
Что орхидеи нам несет,
Дыша в башлык обледенелый

ЧЕЛОВЕК

Сонет

Я завожусь на тридцать лет,
Чтоб жить, мучительно дробя
Лучи от призрачных планет
На "да" и "нет", на "ах!" и "бя",

Чтоб жить, волнуясь и скорбя
Над тем, чего, гляди, и нет...
И был бы, верно, я поэт,
Когда бы выдумал себя.

В работе ль там не без прорух,
Иль в механизме есть подвох,
Но был бы мой свободный дух —

Теперь не дух, я был бы бог...
Когда б не пиль да не тубо,
Да не тю-тю после бо-бо...

Трилистник замираня

Я ЛЮБЛЮ

Я люблю замирание эхо
После бешеной тройки в лесу,
За сверканьем задорного смеха
Я истомы люблю полосу.

Зимним утром люблю надо мною
Я лиловый разлив полутьмы,
И, где солнце горело весною,
Только розовый отблеск зимы.

Я люблю на бледнеющей шири
В переливах растаявший цвет...
Я люблю все, чему в этом мире
Ни созвучья, ни отзвука нет.

ЗАКАТНЫЙ ЗВОН В ПОЛЕ

В блесках туманится лес,
В тенях меняются лица,
В синюю пустынь небес
Звоны уходят молиться...

Звоны, возьмите меня!
Сердце так слабо и сиром,
Пыль от сверкания дня
Дразнит возможностью мира.

Что он сулит, этот зов?
Или и мы там застынем,
Как жемчуга островов
Стынут по заводям синим?

ОСЕНЬ

.....
Не было четырех... Но бледное светило
Едва лишь купола над нами золотило

И, в выцветшей степи туманная река,
Так плавно двигались над нами облака,

И столько мягкости таило их движенье,
Забывших яд измен и муку расторженья,

Что сердцу музыки хотелось для него...
Но снег лежал в горах, и было там мертво,

И оборвали в ночь свистевшие буруны
Меж небом и землей протянутые струны...

А к утру кто-то нам, развеяв молча сны,
Напомнил шепотом, что мы осуждены.

Трилистник одиночества

ЛИШЬ ТОМУ, ЧЕЙ ПОКОЙ ТАИМ

Лишь тому, чей покой таим,
Сладко дышится...
Полотно над окном моим
Не колыхается.

Ты придешь, коль верна мечтам,
Только та ли ты?
Знаю: сад там, сирени там
Солнцем залиты.

Хорошо в голубом огне,
В свежем шелесте;
Только яркой так чужды мне
Чары прелести...

Пчелы в улей там носят мед,
Пьяны гроздами...
Сердце ж только во сне живет
Между звездами...

АРОМАТ ЛИЛЕИ МНЕ ТЯЖЕЛ

Аромат лилеи мне тяжел,
Потому что в нем таится тленье...
Лучше смол дыханье, синих смол,
Только пить его без разделенья...

Оттолкнув соблазны красоты,
Я влюблюсь в ее миражи в дыме...
И огней нетленные цветы
Я один увижу голубыми...

ДАЛЬНИЕ РУКИ

Зажим был так сладостно сужен
Что пурпур дремоты поблек, —
Я розовых, узких жемчужин
Губами узнал холодок.

О сестры, о нежные десять,
Две ласково дружных семьи,
Вас пологом ночи завесить
Так рады желанья мои.

Вы — гейши фонарных свечений,
Пять роз, обрученных стеблю,
Но нет у Киприды священной
Не сказанных вами люблю.

Как мускус мучительный мумий,
Как душный тайник тубероз,
И я только стеблем раздумий
К пугающей сказке прирос...

Мои вы, о дальние руки,
Ваш сладостно-сильный зажим
Я выносил в холоде скуки,
Я счастьем обвеял чужим.

Но знаю... дремотно хмелея,
Я брошу волшебную нить,
И мне будут сниться, алмея,
Слова, чтоб тебя оскорбить.

20—24 октября 1909

СКЛАДНИ

Добродетель

1

РАБОЧАЯ КОРЗИНКА

У раздумий беззвучны слова,
Как искать их люблю в тишине я!
Надо только,
черна и мертва,
Чтобы ночь позабылась полнее,
Чтобы ночь позабылась скорей
Между редких своих фонарей,
За углом,

Как покинутый дом...
Позабылась по тихим столовым,
Над тобою, в лиловом...
Чтоб со скатерти трепетный круг
Не спускал своих желтых разлитий,
И мерцанья замедленных рук
Разводили там серые нити,
И чтоб ты разнимала с тоской
Эти нити одну за другой,
Разнимала и после клубила,
И сиреневой редью игла
За мерцающей кистью ходила.
А потом, равнодушно светла,
С тихим скрипом соломенных петель,
Бережливо простыни сколов,
Там заснула и ты. Добродетель,
Между путанно-нежных мотков...

2

СТРУЯ РЕЗЕДЫ В ТЕМНОМ ВАГОНЕ

Dors, dors, mon enfant!

Не буди его в тусклую рань,
Поцелуем дремоту согрей...
Но сама — вся дрожащая — встань:
Ты одна, ты царишь... Но скорей!
Для тебя оживил я мечту.
И минуты ее на счету...

.....
Так беззвучна, черна и тепла
Резедой напоенная мгла...
В голубых фонарях,
Меж листов на ветвях
Без числа
Восковые сиянья плывут
И в саду,
Как в бреду,
Хризантемы цветут...

.....
Все, что можешь ты там, все ты смеешь теперь
Ни мольбам, ни упрекам не верь!

.....
Пока свечи плывут
И левкой живут,
Пока дышит во сне резеда —
Здесь ни мук, ни греха, ни стыда.
Ты боишься в крови
Своих холеных ног,

И за белый венок
В беспорядке косы?
О, молчи! Не зови!
Как минуты — часы
Не таимой и нежной красы.
. На ветвях,
В фонарях догорела мечта
Голубых хризантем...
.
Ты очнешься — свежа и чиста,
И совсем... о, совсем!
Без смятенья в лице,
В обручальном кольце
Стрелка будет показывать семь.

11 декабря 1908

Контрафакции

ВЕСНА

В жидкой заросли парка береза жила,
И черна, и суха, как унылость...
В майский полдень там девушка шляпу сняла,
И коса у нее распустилась.

Ее милый дорезал узорную вязь,
И на ветку березы, смеясь,
Он цветистую шляпу надел.

.
 Это май подглядел
И дивился с своей голубой высоты,
Как на мертвой березе и яркие цветы...

ОСЕНЬ

И всю ночь там по месяцу дымы вились,
И всю ночь кто-то жалостно-чуткий
На скамье там дремал, уходя в котелок.

.
А к рассвету в молочном тумане повис
На березе искривленно-жуткий
И мучительно-черный стручок,

Чуть пониже растрепанных гнезд,
А длиной — в человеческий рост...
И глядела с сомнением просинь
На родившую позднюю осень.

Складень романтический

1

НЕБО ЗВЕЗДАМИ В ТУМАНЕ...

Небо звездами в тумане не расцветится,
Робкий вечер их сегодня не зажег...
Только томные по окнам елки светятся,
Да, кружась, замечает нас снежок.

Мех ресниц твоих снежинки закидавшие
Не дают тебе в глаза мои смотреть,
Сами слезы, только сердца не сжигавшие,
Сами звезды, но уставшие гореть...

Это их любви безумною обидою
Против воли твои звезды залиты...
И мучительно снежинкам я завидую,
Потому что ими плачешь ты...

2

МИЛАЯ

”Милая, милая, где ж ты была
Ночью в такую метелицу?”
”Горю и ночью дорога светла,
К дедке ходила на мельницу”.

”Милая, милая, я не пойму
Речи с словами притворными.
С чем же ты ночью ходила к нему
”С чем я ходила? Да с зернами”.

”Милая, милая, зерна-то чьи ж?
Жита я нынче не кашивал!”
”Зерна-то чьи, говоришь? Да твои ж ...
Впрочем, хозяин не спрашивал...”

”Милая, милая, где же мука?
Куль-то, что был под передником? ”
”У колеса, где вода глубока...
Лысый сегодня с наследником...”

*Царское Село
15 апреля 1907*

ДВА ПАРУСА ЛОДКИ ОДНОЙ

Нависнет ли пламенный зной,
Иль, пенясь, расходятся волны,
Два паруса лодки одной,
Одним и дыханьем мы полны.

Нам буря желанья слила,
Мы свиты безумными снами,
Но молча судьба между нами
Черту навсегда провела.

И в ночи беззвездного юга,
Когда так привольно-темно,
Сгорая, коснуться друг друга,
Одним парусам не дано...

1904

ДВЕ ЛЮБВИ

<С. В. ф. Штейн>

Есть любовь, похожая на дым:
Если тесно ей — она дурманит,
Дай ей волю — и ее не станет...
Быть как дым — но вечно молодым.

Есть любовь, похожая на тень:
Днем у ног лежит — тебе внимает,
Ночью так неслышно обнимает...
Быть как тень, но вместе ночь и день...

ДРУГОМУ

Я полюбил безумный твой порыв,
Но быть тобой и мной нельзя же сразу,
И, вещей снов иероглифы раскрыв
Узорную пишу я четко фразу.

Фигурно там отобразился страх,
И как тоска бумагу сердца мяла,
Но по строкам, как призрак на пирах,
Тень движется так деланно и вяло.

Твои мечты — менады по ночам,
И лунный вихрь в сверкании размаха
Им волны кос взметает по плечам.
Мой лучший сон — за тканью Андромаха.

На голове ее эшафодаж,
И тот прикрыт кокетливо платочком.
Зато нигде мой строгий карандаш
Не уступал своих созвучий точкам.

Ты весь — огонь. И за костром ты чист.
Испепелишь, но не оставишь пятен,
И бог ты там, где я лишь моралист,
Ненужный гость, неловок и невнятен.

Пройдут года... Быть может, месяца...
Иль даже дни, и мы сойдем с дороги
Ты — в лепестках душистого венца,
Я просто так, задвинутый на дроги.

Наперекор завистливой судьбе
И нищете убого-слабодушной,
Ты памятник оставишь по себе,
Незыблемый, хоть сладостно-воздушный...

Моей мечты бесследно минет день...
Как знать? А вдруг с душой, подвижней моря,
Другой поэт ее полюбит тень
В нетронуту-торжественном уборе...

Полюбит, и узнает, и поймет,
И, увидав, что тень проснулась, дышит, —
Благословит немой ее полет
Среди людей, которые не слышат...

Пусть только бы в круженьи бытия
Не вышло так, что этот дух влюбленный,
Мой брат и маг не оказался я,
В ничтожестве слегка лишь подновленный.

ОНИ Я

Давно меж листьев налились
Истомой розовой тюльпаны,
Но страстно в сумрачную высь
Уходит рокот фортепьянный.

И мука там иль торжество,
Разоблаченье иль загадка,
Но он — ничей, а вы — его
И вам сознание это сладко.

А я лучей иной звезды
Ищу в сомненьи и тревожно,
Я как настройщик, все лады,
Перебираю осторожно.

Темнеет... Комната пуста
С трудом я вспоминаю что-то,
И безответна, и чиста,
За нотой умирает нота.

РАЗМЕТАННЫЕ ЛИСТЫ

НЕВОЗМОЖНО

Есть слова — их дыханье, что цвет,
Так же нежно и бело-тревожно,
Но меж них ни печальнее нет,
Ни нежнее тебя, невозможно.

Не познав, я в тебе уж любил
Эти в бархат ушедшие звуки:
Мне являлись мерцанья могил
И сквозь сумрак белевшие руки.

Но лишь в белом венце хризантем,
Перед первой угрозой забвенья,
Этих *вэ*, этих *зэ*, этих *эм*
Различить я сумел дуновенья.

И, запомнив, невестой в саду,
Как в апреле, тебя разубрали, —
У забитой калитки я жду,
Позвонить к сторожам не пора ли.

Если слово за словом, что цвет,
Упадает, белея тревожно,
Не печальных меж павшими нет,
Но люблю я одно — невозможно.

Царское Село
1907

СЕСТРЕ

<А.Н.Анненской>

Вечер. Зеленая детская
С низким ее потолком.
Скучная книга немецкая.
Няня в очках и с чулком.

Желтый, в дешевом издании
Будто я вижу роман...
Даже прочел бы название,
Если б не этот туман.

Вы еще были Алиною,
С розовой думой в очах
В платье с большой пелериною,
С серым платком на плечах...

В стул утопая коленами,
Взора я с вас не сводил,
Нежные, с тонкими венами
Руки я ваши любил.

Слов непонятных течение
Было мне музыкой сфер...
Где ожидал столкновения
Ваших особенных р...

В медном подсвечнике сальная
Свечка у няни плывет...
Милое, тихо-печальное,
Все это в сердце живет...

ЗАБВЕНИЕ

Нерасцепленные звенья,
Неосиленная тень —
И забвенье, но забвенье
Как осенний мягкий день,

Как полудня солнце в храме
Сквозь узор стекла цветной, —
С заметною листвами,
Но горящею волной...

Нам — упреки, нам — усталость,
А оно уйдет, как дым,
Пережито, но осталось
На портрете молодым.

СТАНСЫ НОЧИ

О. П. Хмара-Барцевской

Меж теней погасли солнца пятна
На песке в загрязившем саду.
Все в тебе так сладко-непонятно,
Но твое запомнил я: "Приду".

Черный дым, но ты воздушней дыма,
Ты нежней пушинок у листа,
Я не знаю кем, но ты любима
Я не знаю, чья ты, но мечта.

За тобой в пустынные покои
Не сойдут алмазные огни,
Для тебя душистые левкой
Здесь ковром раскинулись одни...

Эту ночь я помню в давней грезе,
Но не я томился и желал:
Сквозь фонарь, забытый на березе
Талый воск и плакал и пылал.

МЕСЯЦ

Sunt mihi bis septem

Кто сильнее меня — их и сватай...
Истомились — и всё не слились:
Этот сумрак голубоватый
И белесая высь...

Этот мартовский колющий воздух
С зябкой ночью на талом снегу
В еле тронутых зеленою звездах
Я сливаю и слить не могу...

Уж не ты ль и колдуешь, жемчужный,
Ты, кому остальные ненужны,

Их не твой ли развел и ущерб,
На горелом пятне желтосерп,

Ты, скиталец небес праздносумый
С иронической думой?..

ТОСКА МЕДЛЕННЫХ КАПЕЛЬ

О капли в ночной тишине,
Дремотного духа трещотка,
Дрожа набухают оне
И падают мерно и четко.

В недвижно-бессонной ночи
Их лязга не ждать не могу я:
Фитиль одинокой свечи
Мигает и пышет, тоскуя.

И мнится, я должен, таясь,
На странном присутствовать браке,
Поняв безнадежную связь
Двух тающих жизней во мраке.

ТРИНАДЦАТЬ СТРОК

Я хотел бы любить облака
На заре... Но мне горек их дым:
Так неволя тогда мне тяжка,
Так я помню, что был молодым.

Я любить бы их вечер хотел,
Когда, рдея, там гаснут лучи,
Но от жертвы их розовых тел
Только пепел мне снится в ночи.

Я люблю только ночь и цветы
В хрустале, где дробятся огни,
Потому что утехой мечты
В хрустале умирают они...
Потому что — цветы это ты.

ОРЕАНДА

Ни белой дерзостью палат на высотах
С орлами яркими в узорных воротах,
Ни женской прихотью арабских очертаний
Не мог бы сердца я лелеять неустанней.
Но в пятнах розовых по силуэтам скал
Напрасно я души, своей души искал...
Я с нею встретился в картинном запустении
Сгоревшего дворца — где нежное цветенье
Бежит по мрамору разбитых ступеней,
Где в полдень старый сад печальней и темней
А синие лучи струятся невозбранно
По блеклости панно и забвению фонтана.
Я будто чувствовал, что там ее найду,
С косматым лебедем играющей в пруду,
И что поделимся мы ветхою скамьею
Близ корня дерева, что поднялся змеею,
Дорогой на скалу, где грезит крест литой
Над просветленную страданьем красотой.

ДРЕМОТНОСТЬ

Сонет

В гроздьях розово-лиловых
Безуханная сирень
В этот душно-мягкий день
Неподвижна, как в оковах.

Солнца нет, но с тенью тень
В сочетаньях вечно новых;
Нет дождя, а слез готовых
Реки — только литься лень.

Полусон, полусознание,
Грусть, но без воспоминания
И всему простит душа...

А, доняв ли, холод ранит,
Мягкий дождик не спеша
Так бесшумно барабанит.

НЕРВЫ
(Пластинка для граммофона)

Как эта улица пыльна, раскалена!
Что за печальная, о Господи, сосна!

Балкон под крышею. Жена мотает гарус.
Муж так сидит. За ними холст, как парус.

Над самой клумбочкой прилажен их балкон.
"Ты думаешь — не он... А если он?
Все вяжет, Боже мой... Посудим хоть немножко..."

...Морошка, ягода морошка!..
"Вот только бы спустить лиловую тетрадь?"
"Что, барыня, шпинату будем брать?"
"Возьмите, Аннушка!"
— "Да там еще на стенке
Видал записку я, так..."
...Хороши гребэнки!
"А... почтальон идет... Петровым писем нет?"
"Корреспонденции одна газета "Свет".
"Ну что ж? устроила?" — "Спалила под плитой".
"Неосмотрительность какая!.. Перед тою?
А я тут так решил: сперва соображу,
И уж потом тебе все факты изложу...
Еще чего у нас законопатить нет ли?"
"Я всё сожгла". — Вздохнув, считает молча петли...
"Не замечала ты: сегодня мимо нас
Какой-то господин проходит третий раз?"
"Да мало ль ходит их..."
— "Но этот ищет, рыщет,
И по глазам заметно, что он сыщик!.."
"Чего ж у нас искать-то? Боже мой!"
"А Вася-то зачем не съестся домой?"
"Там к барину пришел за пачпортами дворник".
"Ко мне пришел?.. А день какой?"
"А вторник"
"Не выйдешь ли к нему, мой друг? Я нездоров".

...Ландышов, свежих ландышов!
"Ну что? Как с дворником? Ему бы хоть прибавить!"
"Вот вздор какой. За что же?"
...Бритвы праветь...
"Присядь же ты спокойно! Кись-кись-кись..."
"Ах, право, шел бы ты по воздуху пройтись!
Иль ты вообразил, что мне так сладко маяться..."
Яица свежие яица!
Яичек свеженьких?..
Но вылилась и злоба...
Расселись по углам и плачут оба...
Как эта улица пыльна, раскалена!
Что за печальная, о Господи, сосна!

Царское Село
12 июля 1909

ВЕСЕННИЙ РОМАНС

Еще не царствует река,
Но синий лед она уж топит;
Еще не тают облака,
Но снежный кубок солнцем допит.

Через притворенную дверь
Ты сердце шелестом тревожишь.
Еще не любишь ты, но верь:
Не полюбить уже не можешь...

ОСЕННИЙ РОМАНС

Гляжу на тебя равнодушно,
А в сердце тоски не уйму...
Сегодня томительно-душно,
Но солнце таится в дыму.

Я знаю, что сон я лелею,
Но верен хоть снам я, — а ты ?..
Ненужною жертвой в аллею
Падут, умирая, листы...

Судьба нас сводила слепая:
Бог знает, мы свидимся ль там...
Но знаешь?.. Не смейся, ступая
Весною по мертвым листьям!

1903

СРЕДИ МИРОВ

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Ц<арское> С<ело>
3 апреля 1909

МИРАЖИ

То полудня пламень синий,
То рассвета пламень алый,
Я ль устал от четких линий
Солнце ль самое устало —

Но чрез полог темнолистый
Я дождусь другого солнца
Цвета мальвы золотистой
Или розы и червонца.

Будет взорам так приятно
Утопать в сетях зеленых,
А потом на темных кленах
Зажигать цветные пятна.

Пусть миражного круженья
Через миг погаснут светы...
Пусть я — радость отражен;
Но не то ль и вы, поэты?

ГАРМОНИЯ

В тумане волн и брызги серебра,
И стертые эмалевые краски...
Я так люблю осенние утра
За нежную невозвратимость ласки!

И пену я люблю на берегу,
Когда она белеет беспокойно...
Я жадно здесь, покуда небо знойно
Остаток дней туманных берегу.

А где-то там мятутся среди огня
Такие ж я, без счета и названья,
И чье-то молодое за меня
Кончается в тоске существованье.

ВТОРОЙ МУЧИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ

Вихри мутного ненастья
Тайну белую хранят...
Колокольчики запястья
То умолкнут, то звенят.

Ужас краденого счастья —
Губ холодных мед и яд
Жадно пью я, весь объят
Лихорадкой сладострастья.

Этот сон, седая мгла,
Ты одна создать могла,
Снега скрип, мельканье тени,

На стекле узор курений
И созвучье из тепла
Губ, и меха, и сиреней.

БАБОЧКА ГАЗА

Скажите, что случилось со мной?
Что сердце так жарко забилося?
Какое безумье волной
Сквозь камень привычки пробилось?

В нем сила иль мука моя,
В волненьи не чувствую сразу:
С мерцающих строк бытия
Ловлю я забытую фразу...

Фонарь свой не водит ли тать
По скопищу литер унылых?
Мне фразы нельзя не читать.
Но к ней я вернуться не в силах...

Не вспыхнуть ей было невмочь,
Но мрак она только тревожит:
Так бабочка газа всю ночь
Дрожит, а сорваться не может...

ПРЕРЫВИСТЫЕ СТРОКИ

Этого быть не может,
Это — подлог,
День так тянулся и дожит
Иль, не дожив, изнемог?..
Этого быть не может...
С самых тех пор
В горле какой-то комок.
Вздор...
Этого быть не может...
Это — подлог...
Ну-с, проводил на поезд,
Вернулся, и solo, да!
Здесь был ее кольчатый пояс,
Брошка лежала — звезда,
Вечно открытая сумочка
Без замка,
И, так бесконечно мягка,
В прошивках красная думочка...

.....

Зал...
Я нежное что-то сказал
Стали прощаться,
Возле часов у стенки...
Губы не смели разжаться,
Склеены...
Оба мы были рассеянны,
Оба такие холодные...
Мы...
Пальцы ее в черной митенке
Тоже холодные...
”Ну, прощай до зимы,
Только не той, и не другой
И не еще — после другой...
Я ж, дорогой,
Ведь не свободная...”
”Знаю, что ты — в застенке...”
После она
Плакала тихо у стенки
И стала бумажно-бледна...

Кончить бы злую игру...
Что ж бы еще?
Губы хотели любить горячо
А на ветру
Лишь улыбались тоскливо...
Что-то в них было застыло,
Даже мертво...
Господи, я и не знал, до чего
Она некрасива...
Ну, слава Богу, пускают садиться...
Мокрым платком осушая лицо,
Мне отдала она это кольцо...
Слиплись еще раз холодные лица,
Как в забытьи, —
И
Поезд еще стоял —
Я убежал...
Но этого быть не может,
Это — подлог...
День или год и уж дожит,
Иль, не дожив, изнемог...
Этого быть не может...

*Царское Село
Июнь 1909*

CANZONE

Если б вдруг ожила небылица,
На окно я поставлю свечу,
Приходи... Мы не будем делиться,
Все отдать тебе счастье хочу!

Ты придешь и на голос печали
Потому что светла и нежна,
Потому что тебя обещали
Мне когда-то сирень и луна.

Но... бывают такие минуты,
Когда страшно и пусто в груди...
Я тяжел — и, немой и согнутый...
Я хочу быть один... уходи!

ДЫМЫ

В белом поле был пепельный бал,
Тени были там нежно-желанны,
Упоительный танец сливал,
И клубил, и дымил их воланы.

Чередой, застилая мне даль,
Проносились плясуньи мятежной,
И была вековая печаль
В нежном танце без музыки нежной.

А внизу содроганье и стук
Говорили, что ужас не прожит;
Громяхая цепями, Недуг
Там сковал бы воздушных — не может.

И была ль так постыла им степь,
Или мука капризно-желанна, —
То и дело железную цепь
Задевала оборка волана.

ДЕТИ

Вы за мною? Я готов.
Нагрешили, так ответим.
Нам — острог, но им — цветов.
Солнца, люди, нашим детям!

В детстве тоньше жизни нить,
Дни короче в эту пору...
Не спешите их бранить,
Но балуйте... без зазору.

Вы несчастны, если вам
Непонятен детский лепет,
Вызвать шепот — это срам,
Горший — в детях вызвать трепет.

Но безвинных детских слез
Не омыть и покаяньем,
Потому что в них Христос,
Весь, со всем своим сияньем.

Ну, а те, кто терпят боль,
У кого как нитки руки...
Люди! Братья! Не за то ль
И покой наш только в муке.

<МОЯ ТОСКА >

М. А. Кузмину

Пусть травы сменятся над капищем волненья
И восковой в гробу забудется рука,
Мне кажется, меж вас одно недоуменье
Все будет жить мое, одна моя Тоска...

Нет, не о тех, увы! кому столь недостойно,
Ревниво, бережно и страстно был я мил...
О, сила любящих и в муке так спокойна,
У женской нежности завидно много сил.

Да и при чем бы здесь недоуменья были —
Любовь ведь светлая, она кристалл, эфир...
Моя ж безлюбая — дрожит, как лошадь в мыле!
Ей — пир отравленный, мошеннический пир!

В венке из тронутых, из вянущих азалий
Собралась петь она... Не смолк и первый стих,
Как маленьких детей у ней перевязали,
Сломали руки им и ослепили их.

Она бесполоя, у ней для всех улыбки,
Она притворщица, у ней порочный вкус —
Качает целый день она пустые зыбки,
И образок в углу — сладчайший Иисус...

Я выдумал ее — и все ж она виденье,
Я не люблю ее — и мне она близка,
Недоумелая, мое недоуменье,
Всегда веселая, она моя тоска

*Царское Село
12 ноября 1909*